

Чжун Минхэ пробрался в комнату тайком. Обнаружив на столе тарелку с пирожными из османтуса, он огляделся по сторонам, украдкой прихватил лакомство и спрятался в углу.

Наевшись от души, он почувствовал, что наелся лишь на шесть частей из десяти, но в животе возникло какое-то неприятное, странное ощущение, от которого ему стало не по себе. Чжун Минхэ слегка расслабил воротник, чтобы остыть, и потирал ноющий живот. В полубабыти он начал что-то бормотать, призывая то евнуха, то брата, то Сяо Юаня, то Чжао Юэ — он перечислял всех, кого знал, но никто не откликнулся на его зов.

Внезапно его спина коснулась чего-то холодного, а следом он ощутил, как тело оторвалось от земли. Чжун Минхэ инстинктивно обхватил холодный предмет, боясь упасть. Он неосознанно потерся лицом о прохладную, приятную поверхность, приняв её за сладкий подтаявший ледяной десерт, и даже укусил, но на вкус оказалось совсем невкусно. Тем не менее это принесло странное облегчение, и, не желая отпускать, он прильнул ещё сильнее.

Чжоу Цзицзи пребывал в состоянии помрачения. Находясь в источнике, он заметил маленького хомячка, ворующего еду. Сознание его было смутным, и, увидев Чжун Минхэ — того самого человека, о котором он грезил днём и ночью, — он лишь тихо усмехнулся. Видимо, дурман окончательно лишил его рассудка, раз он видит галлюцинации. В Обители Белого Лотоса полно его тайных стражников, как кто-то мог проникнуть сюда незамеченным?

Однако маленькое существо в его объятиях не желало сидеть смирно. Две ручонки шарили повсюду, касаясь холодной кожи, и там, где они проходили, тело, охлажденное в источнике, начинало гореть. Чжоу Цзицзи сглотнул и хриплым голосом позвал:

— Сяо Хэ.

— М-м... — невнятно отозвался Чжун Минхэ и ещё глубже зарылся в его объятия.

Чжоу Цзицзи прижал к себе это теплое, мягкое сокровище. Его пальцы сжимались всё сильнее, словно он хотел втереть этого человека в свои кости и кровь. Вдохнув слабый аромат османтуса, исходящий от него, он почувствовал, как тонкая нить под названием «здравый смысл» окончательно оборвалась. Он продолжал повторять: «Сяо Хэ, Сяо Хэ»...

На каждый зов Чжун Минхэ отзывался, но постепенно интонации его голоса менялись. Всякое сопротивление таяло, превращаясь в покорность.

Чжоу Цзицзи снился сон из детства, когда наложница Ань была ещё жива. Она была необычайно нежной и прекрасной женщиной. Она бережно растила его, а когда ему исполнилось девять, родила маленького императора — крошечного, словно выточенного из нефрита ребенка, который своими пухлыми ладошками хватал его за руку и семенил следом, сладко называя братом.

Чжоу Цзицзи считал, что никто в поднебесной не сравнится с его маленьким императором в красоте, послушании и кротости. Он поклялся беречь его, пока тот будет расти. Но мечты юноши были задушены в колыбели, едва успев зародиться. В одиннадцать лет наложница Ань покончила с собой, в том же году скончался император. Его самого, вместе с матерью-императрицей, закололи и бросили на кладбище для бедняков. К счастью, он выжил, был подобран приемным отцом и обучен всему необходимому.

Добившись положения, он вернулся в столицу под другим именем, жаждая отомстить тем, кто погубил наложницу Ань и покушался на него самого. Он нашел того самого маленького императора, узнал, сколько издевательств и страданий тому пришлось перенести, и всеми силами стремился окружить его заботой, чтобы искупить перенесенные обиды.

Маленький император был глуповат, но не настолько, чтобы не быть солнечным, послушным и смысленным — совсем как в детстве. Он стал тем единственным лучом света, который осветил его мрачную и одинокую жизнь. Чжоу Цзицзи прятал все свои чувства глубоко внутри, желая лишь молча оберегать его, расчищать путь и возвести на трон, чтобы вернуть ему жизнь, полную блеска и славы.

Но все эти тайные чувства были стерты катализатором в виде снадобий. Он не хотел больше оставаться в тени — даже во сне он мечтал присвоить его себе.

Чжун Минхэ оказался под ним, весь мир содрогался, а уши заполнили неудержимые всхлипывания и стоны. Чжоу Цзицзи перевернул его и встретился с глазами, затуманенными слезами, и услышал голос, в котором звучала бесконечная ненависть:

— Злой человек! Я ненавижу тебя!

Чжоу Цзицзи резко открыл глаза. Прошло немало времени, прежде чем к нему вернулась ясность сознания. Он сел. К счастью, это был лишь сон. Только сон. Если бы он действительно сделал подобное, то вряд ли смог бы когда-нибудь заслужить прощение...

Однако, собираясь отбросить одеяло, он заметил лежащего рядом человека и его зрачки сжались. Рядом с ним лежал Чжун Минхэ.

Маленький юноша сжался в комочек, волосы были растрепаны, на теле виднелись синяки и багровые следы. Две алые точки припухли, губы разбиты, в уголках рта засохшая кровь, а на лице — невысохшие следы слез, словно он плакал навзрыд. Кожа его пылала неестественным румянцем.

Сцены прошлой ночи — хаотичные, порочные, ослепляющие и жестокие — обрывками воспоминаний хлынули в голову. Чжоу Цзицзи затаил дыхание, не зная, что делать. Он протянул руку и осторожно коснулся щеки Чжун Минхэ, проверяя, не галлюцинация ли это. Кожа была мягкой, теплой, даже горячей.

Это был не сон!

Чжун Минхэ на кровати, казалось, что-то почувствовал: даже не приходя в сознание, он в ужасе отпрянул назад. Чжоу Цзици не знал, как Чжун Минхэ оказался здесь и какой вред он ему нанес, но сердце его пронзила острая боль. Чжун Минхэ был в горячке, пребывая в полубреду. Чжоу Цзици немедленно завернул его в одеяло так, чтобы не оставалось ни единого открытого участка кожи, оставив лишь маленькое личико, боясь, что тот задохнется.

Его лицо исказилось от мрачной ярости, смешанной с глубоким раскаянием. Чжоу Цзици поднял его на руки и, направляясь к выходу, приказал тайным стражникам вызвать лекаря. Ему нужно было вернуться в Зал Чундэ: он боялся, что если Чжун Минхэ проснется в незнакомом месте, то испугается. К тому же в Обители Белого Лотоса не было жаровен, и там царил ледяной холод, который не под силу вынести человеку, если тот не обладает крепким здоровьем.

Между Обителью Белого Лотоса и Залом Чундэ был потайной ход — он позволял избежать лишних глаз и уберечь Чжун Минхэ от косых взглядов.

Едва ступив в Зал Чундэ, он услышал, как Ли Дэли рыдает в голос, проклиная себя за то, что подвел наложницу Ань и покойного императора, потеряв маленького государя. Он уже почти перевернул весь дворец вверх дном, и если бы не Чжао Юэ, сдерживающий его, он бы уже давно разбился головой о стену, чтобы последовать за хозяевами.

— Ваше Величество! — Сяо Юань, обладавший острым зрением, первым заметил Чжун Минхэ и бросился вперед, но, увидев, кто именно держит императора, застыл на месте, дрожа, как птенчик. — Регент... — выдавил он.

Услышав обращение Ваше Величество, Ли Дэли перестал терзать себя, оттолкнул Чжао Юэ и, вытирая слезы, бросился наперерез, преграждая путь Регенту. Но не успел он вымолвить и слова, как холодный взгляд Регента заставил его замолчать.

— Прочь, — отрезал он.

Ледяной, пропитанный мрачной властью тон напугал Ли Дэли так, что он не осмелился пошевелиться, боясь даже вздохнуть. Чжоу Цзици осторожно уложил юношу на кровать. Похоже, это причинило тому боль — Чжун Минхэ болезненно застонал и ещё сильнее закутался в одеяло, словно это дарило ему чувство безопасности.

Ли Дэли робко подошел к кровати, его лицо выражало тревогу и жалость, но он не смел переступить через Регента, чтобы дотронуться до своего повелителя, и лишь застыл в нерешительности.

Вскоре прибежал запыхавшийся Чжан Чжичунь с аптечкой. Едва переведя дух, он принялся за осмотр. Чем дальше он прощупывал пульс, тем мрачнее становилось его лицо. Он поднял

взгляд на толпу людей, заполонивших Зал Чундэ, перевел его на тяжелый, сосредоточенный вид Чжоу Цзицзи и замялся, не зная, как начать.

Чжоу Цзицзи, поняв намек, немедленно велел всем выйти. Ли Дэли не хотел уходить — он беспокоился о здоровье государя и боялся, что Регент может сделать что-то непоправимое. Но стоило Чжоу Цзицзи бросить на него ледяной взгляд, как он покорно попятился прочь.

Чжан Чжичунь был человеком из окружения Чжоу Цзицзи. Сколько лет тот провел в походах, столько же Чжан Чжичунь находился рядом и научился понимать его по выражению лица. Видимо, это произошло случайно, но факт оставался фактом.

Чжан Чжичунь тщательно подбирал слова:

— Ваше Величество вне опасности, но организм сильно истощен, перенес сильный испуг, к тому же... из-за того, что не было проведено должного ухода, развилась простуда. Нужно наносить мазь и тщательно заботиться о покое.

На тревожном лице Чжоу Цзицзи промелькнуло замешательство.

— Как это делается? Я... не знаю...

Хотя Чжан Чжичунь был опытным врачом, обсуждать такие темы перед Регентом казалось ему чем-то странным. Он вкратце объяснил порядок действий и передал ему справочник, предлагая ознакомиться с деталями.

Чжоу Цзицзи, держа в руках мазь, начал очень осторожно и бережно смазывать раны Чжун Минхэ. Но тот не желал идти на контакт. Неизвестно, был ли это страх перед вчерашней ночью, но даже в забытии Чжун Минхэ отталкивал его прикосновения.

— Больно... — прошептал юноша.

— Хороший мой, потерпи, скоро всё пройдет, — мягко уговаривал Чжоу Цзицзи, придерживая его ноги.

Чжун Минхэ где-то уже слышал эти слова, но после того, как он становился послушным, боль не уходила, что его очень злило. Неизвестно откуда взялись силы, но он вырвался из захвата и ударил Чжоу Цзицзи ногой в грудь, заливаясь слезами:

— У-у-у... Больно... Евнух, евнух... Я хочу к евнуху...

Чжун Минхэ был скользким, как угорь, Чжоу Цзицзи не мог удержать его, а применять грубую силу, чтобы не навредить ещё больше, не мог. Пришлось идти на уступки:

— Хорошо-хорошо, я приведу тебе евнуха.

Ли Дэли, дежуривший у двери, тревожно расхаживал взад-вперед. Когда дверь внезапно открылась и он встретился с холодным взглядом Чжоу Цзицзи, он чуть не рухнул на колени.

Регент велел Ли Дэли войти и передал ему книгу и баночку с мазью. Ли Дэли дрожащими руками открыл справочник, и по мере чтения его охватывали ужас, ненависть и жгучее раскаяние. Глаза его покраснели. Утирая слезы, он принялся сам наносить мазь на своего маленького сокровища, пока Чжоу Цзицзи молча наблюдал со стороны.

В этот раз Чжун Минхэ не сопротивлялся и вел себя пугающе послушно, лишь тихо стонал, когда было больно. Всё тело юноши было покрыто синяками и ссадинами, отчего у Ли Дэли сердце обливалось кровью.

Когда всё было закончено и Чжун Минхэ наконец уснул, Чжоу Цзицзи решил устроить разнос. Он созвал слуг в боковой зал.

— Почему Его Величество оказался в Обители Белого Лотоса? Разве я не приказывал следить за ним? — голос его был ледяным, а лицо — чернее тучи.

Его дурная слава шла впереди него, и никто не осмеливался перечить. Гнев Регента был тем, что не могла вынести ни одна служанка или евнух. Все дрожали, как осинового листа, бледные, не в силах выдать из себя ни слова, но в конце концов всё же рассказали всё как было.

Весь персонал Зала Чундэ был наказан: каждого выпороли двадцатью ударами палок. Учитывая, что Ли Дэли был нужен для присмотра за Чжун Минхэ, его наказали лишением годового жалованья.

Чжоу Цзицзи сидел у кровати, полоща полотенце, чтобы протереть лоб Чжун Минхэ. Даже будучи без сознания, тот, казалось, понимал, кто к нему прикасается, и отстранялся, даже если между их кожей было полотенце. Лицо Чжоу Цзицзи почернело от злости.

В голове Ли Дэли проносились мысли. В истории прошлых династий бывали подобные случаи: властный и всемогущий Регент западал на красавца-императора, а потом день за днем...

Это просто... просто скотство! Ли Дэли скрежетал зубами от ненависти.

Хлоп — Чжун Минхэ неосознанно отмахнулся от руки Чжоу Цзицзи и, завернувшись в одеяло, откатился вглубь кровати.